

Сянь Чэньюэ слегка нахмурился.

Су Янь подошел к Сянь Чэньюэ: — Цзян Чжунсуй проверял все на человеческих жизнях, а ты, Брат Сянь?

Цзян Чжунсуй испытывал правдивость слов старосты деревни ценой чужих жизней, а с помощью чего проверял Сянь Чэньюэ?

Шел на риск? Су Янь чувствовал, что Сянь Чэньюэ не стал бы так поступать. Самим богам ведомо почему, но ему казалось, что Сянь Чэньюэ довольно сильно дорожит своей жизнью.

Возможно, потому, что вокруг стояла абсолютная тишина, а может, потому, что Сянь Чэньюэ пришелся Су Янь по душе, но тот ответил: — Люди здесь лгут, но в ложь вплетена и правда.

Искусная ложь всегда состоит из трех частей правды и семи частей лжи. Сянь Чэньюэ бросил взгляд на далекий водоем.

В ночи при свете луны стоячая вода отражает свет и кажется ярче всего остального.

Су Янь проследил за взглядом Сянь Чэньюэ, но так и не понял, на что тот смотрит. Его взгляд вернулся обратно и упал на Сянь Чэньюэ как раз в тот момент, когда сухой лист сорвался с макушки Сянь Чэньюэ и плавно скользнул по его щеке.

Сянь Чэньюэ продолжил: — Условие «не выходить на улицу, не зажигать огней и не издавать ни звука» на самом деле означает «не приближаться к воде».

Сянь Чэньюэ: — И слова старосты не были сплошной ложью.

Пока рядом нет воды — того проводника, что привлекает монстров, — выходить ли на улицу, зажигать ли огни или разговаривать, это не приманит чудовищ.

Су Янь: — Откуда ты знаешь?

Прошло всего-навсего два дня, как ему удалось узнать все настолько подробно?

Сянь Чэньюэ взглянул на Су Яня, и в его глазах читалось недоумение.

Казалось, он спрашивал: «Разве это так сложно, разве двух дней недостаточно?»

В этот момент Су Янь наконец поверил словам Чжао Фэна.

В уровне, где все остальные погибают до единого, действительно лишь Сянь Чэньюэ способен выбраться в одиночку.

Сянь Чэньюэ: — Тебе не следовало идти за мной.

Су Янь моргнул: — Потому что ты не можешь быть уверен, что твои догадки верны?

Он никак не ожидал, что Сянь Чэньюэ действительно кивнет. Сянь Чэньюэ: — Только смелость и внимательность позволяют идти дальше.

Какой бы умный человек ни попал в Изнаночный мир, если у него нет храбрости и он не осмеливается ничего проверять, в конце концов его ждет лишь смерть.

В том уровне, который он проходил раньше, все были умниками, ветеранами со сражениями за плечами, но перед лицом страха они все равно робели, боялись, все так же медлили и не решались сделать шаг, поэтому все они погибли.

Су Янь потер подбородок: — Брат Сянь, возьми меня с собой.

— Видишь, я ведь чертовски смелый.

Сянь Чэньюэ приподнял бровь.

— Что мы делаем дальше? — спросил Су Янь.

Сянь Чэньюэ: — Возвращаемся.

Сянь Чэньюэ поднял голову и посмотрел на небо: тучи собирались закрыть луну, а без лунного света здесь опасно на каждом шагу.

— Хорошо. — Су Янь не стал расспрашивать зачем, он просто последовал за спиной Сянь Чэньюэ, и его жгучий взгляд уперся тому в затылок.

Сянь Чэньюэ: — ...

Этот взгляд ощущался почти физически. Сянь Чэньюэ остановился и повернулся к Су Яню.

Су Янь одарил Сянь Чэньюэ ослепительной до крайности улыбкой.

Сянь Чэньюэ молча отвернулся и зашагал дальше с горы.

Все спали мертвецким сном, их уход и возвращение никого не потревожили. Сянь Чэньюэ снял верхнюю одежду, положил ее на стул, а затем сел на край кровати, чтобы разуться. Лицо его оставалось бесстрастным, но Су Янь почему-то чувствовал, что он слегка раздражен.

Сянь Чэньюэ и впрямь был раздражен.

Хотя течение времени в Изнаночном мире отличается от внешнего, каждая минута здесь была самой настоящей, а это означало, что он уже больше двух, почти три дня не менял одежды.

И хотя за это время он не вспотел, Сянь Чэньюэ просто чувствовал себя некомфортно.

Посидев немного и окончательно потеряв терпение, он поднес руку к пуговицам.

Обжигающий взгляд вернулся.

Сянь Чэньюэ уже расстегнул большую часть пуговиц.

Сянь Чэньюэ был очень бледным — возможно, из-за того, что годами работал в помещениях? Но эта бледность не казалась болезненной. Он явно часто ходил в спортзал, его грудные мышцы и пресс были крепкими, таящими в себе взрывную силу, а линии мускулов — плавными, как у изящного гепарда, сочетающими в себе и мощную энергетику, и эстетическую красоту.

Су Янь машинально провел рукой по собственной руке.

Хм, ладно, его мышцы ничуть не хуже, чем у Сянь Чэньюэ.

Не сводя с Сянь Чэньюэ глаз, Су Янь вдруг заметил, что тот резко поднял голову.

Их взгляды встретились, и Су Янь впервые за долгое время почувствовал неловкость.

Наверное, пялиться так сосредоточенно на раздевающегося мужчину и правда было не совсем правильно. Он помахал рукой и пробормотал: — Брат Сянь, не обращай на меня внимания, раздевайся, раздевайся до конца, не спеши.

Сянь Чэньюэ: — ...

Он тихо вздохнул, снял рубашку, повесил ее на спинку стула, а затем вынес стул за дверь.

Здесь не было песчаных бурь, к тому же имелся навес, так что провести ночь на продуваемом месте все же лучше, чем снова кутаться в ношении потного белья.

Если бы в комнате не было женщины, Сянь Чэньюэ с радостью снял бы и штаны.

Как жаль, с некоторым сожалением подумал Сянь Чэньюэ.

Он лег на кровать. Одеялом он не укрывался, тело слегка знобило. О задании он не думал — задания всегда заканчиваются, он не пробудет здесь слишком долго, а по возвращении его ждет работа.

Нужно перевести ее в другую больницу, в специализированный уход, а на деньги что-нибудь придумать.

По сравнению с Изнаночным миром, дела реального мира куда сложнее.

Ночь прошла без снов.

Сянь Чэньюэ проснулся ни свет ни заря, когда небо только-только серело. Все в комнате еще крепко спали. Он вышел на улицу, оделся и уселся на ступеньках встречать рассвет.

Только вот день выдался пасмурным, и никакого рассвета ему увидеть не довелось.

Сзади слышались шаги, но Сянь Чэньюэ не обернулся.

Су Янь присел на корточки рядом с Сянь Чэньюэ — единственный стул был оккупирован.

— Брат Сянь, встал так рано, неужто не сонный? — Су Янь снизу вверх посмотрел на Сянь Чэньюэ.

Сянь Чэньюэ: — Не сонный.

Су Янь заглянул в комнату и, обнаружив, что никто еще не поднялся, с нагловатой ласковой улыбкой произнес: — Брат Сянь, я ведь еще ничего не рассказывал тебе о себе, верно?

Сянь Чэньюэ: — ?

Не дожидаясь ответа, Су Янь заговорил сам: — Вообще-то я сирота.

Сянь Чэньюэ промолчал и перевел взгляд на свинцовые тучи в небе.